

Бесстрашие и сила правды

Правда, правда, суровая, великая правда века, правда идей коммунизма, правда народной жизни. — вот в чем сила советской литературы.

Воспевающее слово правды было начертано на знамени советской литературы, когда она впервые выступила на арену мировой истории.

Эта знамя она приняла из рук борцов русской литературы, литературы всех времен и народов. В величественный век победы трудового человечества, век крушения капитализма и победы социализма, литература самого бесстрашного класса в истории — рабочего класса — вступила в бой, пользуясь могущественным оружием — правдой. Правда искусства — одно из сильнейших средств формирования характера борца и создателя. Выше выражение правды — идеи коммунизма.

Наша литература выросла и окрепла в борьбе с чуждой идеологией, с антинародным буржуазным искусством, с попытками унести ее в болото безличности, апатичности, механической пошлости, позлупого натурализма — со всем тем, что, как дыма перед светом, рассеивается резким, неподкупным сиянием правды истории.

Не в силах воспринять могучее воздействие передовой советской литературы на умы и сердца читателей всего мира, некоторые буржуазные критики, растерявшись, пытались упречь наших писателей в «жестокость» их реализма.

Михаил Шолохов, выдающийся художник современности, в творчестве которого нашли свое воплощение новаторские завоевания литературы социалистического реализма, отвечал подобным критикам: «Плохо бы ты писатель, который прикидывал бы действительность в прямой ущерб правде и шадлы бы чувствительность читателя из ложного желания приспособиться к нему. Книга моя не принадлежит к тому разряду книг, которые читают после обеда и единственная задача которых состоит в способствовании мирному пищеварению». (Из материалов Института мировой литературы имени А. М. Горького).

Так могли бы сказать и соратники Михаила Шолохова — советские писатели, представители литературы социалистического реализма, так могут сказать прогрессивные писатели во всех странах мира.

Советская литература вывела на авансцену искусства нового героя — человека труда, чьими руками создано все прекрасное на земле, самоотверженного и бесстрашного борца против эксплуатации человека человеком, против угнетения масс. Этот герой литературы — строитель самого справедливого общественного строя на земле.

Советская литература смело обращается к решающим моментам истории, определяющим судьбы народов и отдельных людей. В правдивых художественных образах она раскрывает истинный смысл событий и дел нашей советской эпохи.

Коммунистическая партия всегда воспитывала и воспитывает писателей в духе беспредельной преданности общепролетарскому делу, горячей любви к Родине, дружбы и уважения к другим народам. Марксистско-ленинское учение дает нашим писателям верный взгляд на мир, раскрывает им законы революционного развития общества, помогает успешно бороться за искусство глубокой истинной правды.

Художник связан своей связью с народом. Эта связь дала могучую силу творчеству таких всемирно известных зачинателей советской литературы, как Горький и Маяковский. Она вызвала к жизни, питала неистощимыми силами лучшие творения А. Н. Толстого, А. Серафимовича, Д. Фурманова, А. Макаренки, Н. Островского. Она вдохновляет на творческий труд во имя народного дела всех советских писателей, чьи произведения составляют сокровищницу нашей многонациональной литературы.

Сегодня, когда советская общественность чувствует Михаила Александровича Шолохова в день его 50-летия, мысль обращается к нему как к одному из писателей, в творчестве которых с наибольшей полнотой сказались благороднейшие традиции классики и новаторский дух литературы социалистического реализма.

Мужественная и неизменная верность правде жизни — вот в чем прежде всего сила и неотразимое обаяние шолоховского таланта. Это и есть та черта, которую всегда ценит в искусстве народ.

Читатель видит в Шолохове художника, который слия свою жизнь и свое сердце с жизнью и сердцем народа.

Его книги посвящены решающим историческим событиям и движению за мир.

Финские сторонники мира предпочитают отвести для ассамблеи самый большой зал Хельсинки — Мессухали. Официальными языками на ассамблее будут английский, французский, русский, немецкий, китайский и испанский. На этих языках во время работы ассамблеи ежедневно будет выходить специальный бюллетень. Ожидается, что в финскую столицу приблут около 250 иностранных корреспондентов.

Группа видных общественных деятелей и представителей интеллигенции Финляндии опубликовала в печати заявление, в котором выражается уверенность, что свободный обмен мнениями и личные встречи на ассамблее «будут способствовать сближению людей и освобождению народов от оков предрасудков, порождаемых военным психозом». «Мы счастливы», — говорится далее в заявлении, — что наша страна в нынешнем, раздираемом национальными конфликтами мире может служить местом такой мирной встречи».

ФИНЛЯНДИЯ ХЕЛЬСИНКИ ГОТОВИТСЯ К ВСТРЕЧЕ

Руководители организации «Сторонники мира в Финляндии» Вайне Мелтин и Феликс Иверсен, выступая недавно на пресс-конференции в Хельсинки, сообщили, что в работе ассамблеи примет участие свыше двух тысяч представителей более чем 80 стран. Среди них такие видные общественные и государственные деятели, как почетный председатель Национального собрания Франции Эдуард Эррио, бывший министр Франции Пьер Кот, ученые Джон Бернал, Ирен и Фредерик Жолио-Кюри. Идею созыва ассамблеи встречает горячую поддержку со стороны профсоюзных, молодежных, женских, религиозных и других организаций, непосредственно не примыкающих к движению за мир.

ЯПОНИЯ ДЕМОНСТРАЦИИ В ЗАЩИТУ МИРА

В Токио создан Всеяпонский совет по подготовке к Всемирной Ассамблее. На днях секретариат Всемирного Совета

рическим событиям в жизни народных масс. Эпоха двух мировых войн, революции, гражданской войны, героический период индустриализации нашей страны и коллективизации ее сельского хозяйства встают в многообразии и яркости красок со страниц его эпических произведений: «Тихого Дона», «Поднятой целины», главы романа «Они сражались за Родину».

На этих книгах воспиталось не одно поколение читателей. Эти книги оказали могучее воздействие на все развитие литературы советских народов и прогрессивную литературу других стран. Мастер создания типических характеров, смело вскрывающий существеннейшие противоречия и конфликты действительности, обрывает людей верой в торжество идеи коммунизма — высшей человечности, Шолохов, которого И. В. Сталин назвал знаменитым писателем нашего времени, покорило читателей могучей силой своего реализма.

Весь жар своего сердца, всю мощь таланта он отдал изображению простых людей труда, представителей самых широких слоев народа.

Бесконечно многообразна галерея действующих лиц в его произведениях, лепящих глубиной и самобытностью характеров. Бесконечно многообразны и краски на палитре художника-живописца. Тут и суровые рембрандтовские тона трагедии, тут и светлая струя поэзии родной природы, и заунывный лад народной песни, и величественная поступь истории. Тут предстает перед читателями образы хозяев жизни — таких как Давыдов, Майдаников, Бунчук, Кошевой; образы мучающихся искателей правды — таких, как Григорий Мехов, Аксинья; образы врагов народа — таких, как Листинский, Коршунов, Фокин, Половцов, Островов; ованские неистребимым духом народного юмора портреты Прохора Зыкова, дедушка Шукаря.

Взятые художником из самой жизни и мастерски типизированные образы вернулись в жизнь, стали живым примером для многих миллионов людей, строящих новое общество. Председатель первого колхоза в Гремячем Логу, двадцатипятилетний сын рабочего класса, Давыдов — и почти близкий друг и советчик многих из тех, кто сейчас поднимает целину, кто по зову партии пришел в колхозы и МТС, кто борется за крупный подвиг сельского хозяйства нашей страны.

Высокие критерии социалистического реализма требуют от литературы глубокой идейности и совершенного мастерства. Самая благородная идея, вдохновившая писателя, лишь тогда по-настоящему овладевает умом и чувством читателя, когда она воплощена в высокохудожественной форме. Таковы лучшие книги советской литературы, таковы произведения Шолохова.

Свыше тридцати лет тому назад пришла в литературу, он неустанно и упорно отдавал свое искусство. В совершенстве постигнув эти законы искусства и требования творчества.

Одна из наиболее важных черт писателя-художника Шолохова — неутомимая, любовная забота о главном строительном материале литературы — языке. Ему выпала в отечественной литературе великая честь продолжить и развить традиции классиков в борьбе за богатство народных красок в языке художественных произведений.

Его творчество еще раз подтверждает беспопорную истину, что богатство языка писателя есть плод его глубокой и жаркой, истинно творческой любви к своей стране, к своему народу.

Коммунистическая партия воспитала писателей нового типа — активных участников всенародной борьбы за коммунизм. Михаил Шолохов — депутат Верховного Совета Союза ССР, писатель-академик, известный общественный деятель, автор ярких публицистических выступлений на актуальнейшие темы современности, страстный борец за мир — живое олицетворение этого нового типа писателя.

Советская литература призвана играть огромную роль в воспитании человека. Это роль способен выполнять писатель, стоящий на позициях коммунистической партийности. Творчество Михаила Шолохова — наглядный тому пример.

Выражая мысль и чувства всех советских художников слова, М. А. Шолохов нашел удивительные слова:

«О нас, советских писателей, заблуждающиеся враги за рубежом говорят, будто бы линиям мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Мира получили приветственное письмо от имени 500 тысяч членов японского профсоюза учителей, в котором говорится: «Мы, японцы, вынесшие столько страданий от чудовищного, разрушительного действия атомного оружия, страстно желаем воспринять участие в... Японский профсоюз учителей теперь, по случаю созыва ассамблеи, удвоит усилия в борьбе за мир».

В японских городах проходит многолюдные манифестации в защиту мира. На снимке: демонстрация протеста в Токио против американских испытаний атомных и водородных бомб.

ФРАНЦИЯ ОДИН ДЕНЬ В ГОРОДКЕ АНДРЕЗИ

Андрези — маленький городок, живописно раскинувшийся на берегу Сены. В его прекрасных виллах укрываются от летнего зноя состоятельные парижане. Но многие жители Андрези не имеют своего дома. Они работают на речную судостроительную компанию, и жильем им служат старые баржи.

Как-то весенним днем в Андрези при-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 61 (3406)

Вторник, 24 мая 1955 г.

Цена 40 коп.

ПИСЬМА С ЦЕЛИНЫ ЗЕМЛИ

Еще год назад за Веселовой пашей да самого Кочетава лежала веками нетронутой степь. Среди этой безбрежной равнины тянулись небольшие казахские аулы — Кос-Куль, Ак-Бас и другие. Прошлым летом здесь выросли поселки трех новых совхозов. Этой весной по соседству с ними создаются еще несколько совхозов — имени Таманской дивизии, «Молодежный», «Агроном» и другие. Сейчас, когда все эти хозяйства развернули полевые станы отделений и тракторно-полевые бригады, ранее пустынная степь ожизня, неузнаваемо преобразилась. Повсюду — и тут и там — белеют палатки, виднеются полевые вагончики; по степным дорогам бегают автомашины с горючим, семенами, продуктами. Особенно хороша степь ночью: куда ни посмотри, движутся светлячки огней, — то работают тракторы. Совхозы, коллективы которых совсем недавно отпраздновали годовщину со дня их организации, ведут север; созданные этой весной — поднимают целину.

И днем и ночью в степи — гул тракторов...
1. Полевой стан тракторно-полевых бригад № 6 раскинулся на берегу небольшого озера. Собственно, это не озеро, а неглубокая впадина. Весной ее наполнили полные воды; ногами оттуда доносится крик выли и крики. Однако летом озеро пересыхает, и динце впадины быстро зарастает густым пыреем, сасыром, разрастается низкорослые кусты ракиты. Кажи такие временные озерца называют сорами или бизаками. Новоселы же зовут их по-своему — «краткиты» и разбирали целины из бригады Германа Павловича Зайкина большую двадцатипятилетнюю палатку. Тракторы приехали сюда вагончик, цистерну с горючим, огромные сани с инвентарем, кухни, койками и прочими постельными принадлежностями. Теперь все это расставлено в надлежащем порядке, а у самой воды разбитой вольбильная палатка — не крупные же сучки придется сидеть в кабине трактора, будет время и для разминки!

Переходили еще до Первомай. Не сиделось на центральной усадьбе: каждому хотелось скорее в поле. Но подлата целина, увлажненная обильными, благодаря проведению зимой снегозадержания, наводными водами, не спешила подсыхать. То ветер, то дождь. Не сидится в палатке бригадиру. Выйдет, песенка дойдет до поля, постоит, посмотрит вдаль.

«Ах, как задержалась весна! — думает Герман Павлович. — Даже в прошлом году, уж на что она поздно пришла, и то в это время пахали воле!» — Может, на соседнем поле подождет?! — Бригадир машет трактористу: заводи. Агрегаты давно готовы; ребята только и ждут этой команды. Не проходит и пяти минут — трактор со санями борон уже входит в пахоту. Станет бригадир на узенький подрыльничек машины — высокий, сухой, в телогрейке и резиновых сапогах.

Как только трактор въедет в разлив черноты, садится «брюхом», как говорят трактористы, начинает буксовать. Спрыгнет с подрыльничка бригадир на землю, возьмет пригоршню ее, посмотрит, что-то приговаривая про себя, сможет в ладони, бросит... Нет, не рассыпается... И так он смотрит на эту тяжелую, трудную, но благодатную землю, что, кажется, большого огорчения не приходится видеть на его лице. Тракторист — мой старый приятель Тимофей Вольнов — понимает состояние бригадира; он тоже огорчен, но вида не подает.

— Давайте еще вот там попробуем... — предлагает он.

Но вот прошел день, другой. Вдруг до бригады долетела весть: четвертая молодежь-комсомольская бригада Петра Юрченко, с которой они соревнуются, уже приступила к покровному боронованию. Не отставать же им, в самом деле!

Тимофей Вольнов — тоже старший агрегата. Невысокий, плечистый, в промасленном комбинезоне, он сегодня какой-то необычайно — важный, необычный.

Выехали на деланию. Вольнов подал команду сельчанкам: «Включай!»... Но не тронулся и десяти метров — пропознала заманка: сельчанка, девушка из Прохлавы, никак не могла привести в рабочее положение высевашный аппарат. Тимофей остановил трактор, сорвался — и туда.

— Як же ей уметь, когда она сиялку впервые вилит!..
На все заняты сейчас все — и строители и служащие конторы. Рабочих в бригадах не хватает. Сельщиков обучали на ходу, и, естественно, многие из них еще не овладели мастерством.
К полудню все понемногу налаживалось. Ребята наловчились заправлять сельчанку на ходу; замнок больше не было, и даже Вольнов повеселел.

Осенью, когда мы последний раз виделись с Вольновым, к нему приехала жена с сыном. Тимофей почутил комнату в только что отреставрированном доме и зажал, как говорит, по-своему. Но семейное счастье его продолжалось недолго. Жене не очень понравилась жизнь на целине: в поселке нового совхоза нет театра, нет доброй портнихи; да если и пошлешь хорошо платье, — в нем некуда покажется!

Прожив на Май-Балыке немногим более двух месяцев, жена уехала. Уехала с собой и сына. Несмотря на уговоры жены — бежать с целины, Тимофей остался. Он перебрался к ребятам в общежитие. «Соловьиный холостяк» — шутят теперь они над Вольновым. А Тимофею, конечно, не до шуток.

Только в работе и забудусь немножко... — говорит он.

И Тимофей работает... На поезде целины прошлым летом тракторист Вольнов выполнял сменные задания в два раза; не сбавил темпа он и в дни сева — его агрегат не простаивает ни одной минуты.

Мерно постукивает высевашная аппаратура. С легким звоном бежит по семеродам зерно. Диски бешеном раскрывают его ложе в мягкой, пушистой, хорошо разделанной земле, сохраняющей ее кое-где, на комках, космы сегодова ковыля.

Зерно ложится в поднутую целину; равнительные колеса, поднимая легкую пылью, закрывают его.

2. Вслед за шестой бригадой к севу приступили и бригады Петра Юрченко, Василия Печлиничева, Николая Догиня.

На огромном пространстве раскинулось поле нового совхоза. Новоселы засеют около двадцати четырех тысяч гектаров яровой пшеницы, ячменя, кукурузы.

Утром, еще задолго до того, как работники бригады хозяйства — агрономы, механики, заведующие отделениями — соберутся на палатку, директор Александр Филиппович Бернжер побывает в нескольких бригадах, на складах, в мастерских, в гараже. Удивляясь: когда он отдыхает? Чуть-чуть забрежал рассвет, а он уже в бригаде; полночь, а он не спит...
Директору нового хозяйства надо все знать, все уметь. Вот он расходывает девушке-учетнице, как лучше организовать учет зерна, отпускаемого агрегатам, выверенными пудовками: в бригадах нет весов. Друг Александр Филиппович замечает, что угол палатки, возле которой мы стоим, разорван.

— Василий Иванович! — обращается директор к бригадиру Печлиничеву. — Откуда эта дыра? А-а?
— Да вот разорвалась...
— Почему не зашили?
— А чем? Обычной сороковкой не будешь же зашивать брезент, а дратвы на складе нету...
Директор недовольно трясет черной взломоченной на ветру шевелюрой. — Ниток не наши?! — говорит он резко. — Да я, не сходя с места, у вас здесь найду их сколько угодно! — Махнул рукой, рассмеялся, принялся спокойно объяснять: — Возмите мешковину, вытяните из нее пряжу, скрутите и делайте вместе — крепче любой дратвы. Исто?

Это — в поле. А едва он переступил порог кабинета, его атакуют врач, начальник строительного участка, командир, рабочие. У каждого из них — неотложное дело. Когда будут деньги, чтобы приобрести для бригад аптечки? Где достать тару под горючее и воду? Почему мало насосов для заправки тракторного квартирного дома: чтобы они топились из коридора или из комнат?
И директор выслушивает, решает.

Однако все это — повседневные заботы: их — тысячи, они возникают ежедневно, каждый час. Но есть заботы поважнее.

В совхозе народилось уже около шестидесяти младенцев; примерно столько же малышей приехало сюда с родителями. Более сотни женщин не могут выходить на работу из-за отсутствия яслей.

В течение недели со склада на поля необходимо вывезти более 3.500 тонн семян. Расстояние до бригад часто превышает тридцать километров. В хозяйстве всего лишь восемь бортовых автомашин. А для своевременной доставки зерна к сельхозпредприятиям их нужно, по самым скромным подсчетам, двадцать пять. Неоднократные обращения в обком, в министерства совхозов республики и Союза ни к чему не привели. Все молчат: молчит обком, молчат тов. Власенок, молчат тов. Бенедиктов. Телеграммы директора остаются без ответа.

О чем там думают?! — возмущается Кернжер. — Давайте, что я буду отрывать для перевозок зерна тракторы? Но у нас нет прицепов... Или думают, что можно сев затануть до июля?

Мне понятно беспокойство директора. Вспоминается осень прошлого года. Сколько техники было брошено тогда на поля Казахстана, в том числе и автомашин! А почему их нет теперь? Неужели руководители Министерства совхозов полагают, что важно убрать зерно, а что сев — это второстепенное дело?! Только этим можно объяснить их равнодушие к нуждам новых совхозов, их молчание. Ведь не хватает не только автомобилей. В новых совхозах недостает сельхоз, борон, сценов, зерноочистительных машин.

Побольше беспокойства, побольше внимания к нуждам и людям новых хозяйств, созданных на целине, — и тем скорее успех великого дела, начатого по зову партии, будет обеспечен.

Зерносовхоз, Булаевский, Северо-Казахстанской области

ВТОРАЯ ВЕСНА

С. КРУТИЛИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

И пошли тракторы: сначала мощные «Сталинцы», а следом за ними — «ДТ»... За три сменя в бригаде № 6 было забороновано и прокультивировано около двух тысяч гектаров поднятой целины. Не дожидаясь окончания работ по предпосевной подготовке почвы, в степь вышли сеятельные агрегаты.

Чуть забрежал рассвет, а в полевом стане — все на ногах. Волнуется бригадир, волнуется тракторист-кубанец Михаил Трачев, Леонид Макин, Михаил Попов. Ктракторам предстоит вести сеятельные агрегаты. Им-то не впервые сеять, а всетаки они нервничат. И понятно: это они — в зной и непогоду, недоедая и недосыпая — подняли и взлелеяли ковильную целину. Вот лежит она — от края до края, куда ни посмотри, — умытая весенними дождями, готовая принять зерно...

Тимофей Вольнов — тоже старший агрегата. Невысокий, плечистый, в промасленном комбинезоне, он сегодня какой-то необычайно — важный, необычный.

Выехали на деланию. Вольнов подал команду сельчанкам: «Включай!»... Но не тронулся и десяти метров — пропознала заманка: сельчанка, девушка из Прохлавы, никак не могла привести в рабочее положение высевашный аппарат. Тимофей остановил трактор, сорвался — и туда.

— Як же ей уметь, когда она сиялку впервые вилит!..
На все заняты сейчас все — и строители и служащие конторы. Рабочих в бригадах не хватает. Сельщиков обучали на ходу, и, естественно, многие из них еще не овладели мастерством.

К полудню все понемногу налаживалось. Ребята наловчились заправлять сельчанку на ходу; замнок больше не было, и даже Вольнов повеселел.

Осенью, когда мы последний раз виделись с Вольновым, к нему приехала жена с сыном. Тимофей почутил комнату в только что отреставрированном доме и зажал, как говорит, по-своему. Но семейное счастье его продолжалось недолго. Жене не очень понравилась жизнь на целине: в поселке нового совхоза нет театра, нет доброй портнихи; да если и пошлешь хорошо платье, — в нем некуда покажется!

Прожив на Май-Балыке немногим более двух месяцев, жена уехала. Уехала с собой и сына. Несмотря на уговоры жены — бежать с целины, Тимофей остался. Он перебрался к ребятам в общежитие. «Соловьиный холостяк» — шутят теперь они над Вольновым. А Тимофею, конечно, не до шуток.

Только в работе и забудусь немножко... — говорит он.

И Тимофей работает... На поезде целины прошлым летом тракторист Вольнов выполнял сменные задания в два раза; не сбавил темпа он и в дни сева — его агрегат не простаивает ни одной минуты.

Мерно постукивает высевашная аппаратура. С легким звоном бежит по семеродам зерно. Диски бешеном раскрывают его ложе в мягкой, пушистой, хорошо разделанной земле, сохраняющей ее кое-где, на комках, космы сегодова ковыля.

Зерно ложится в поднутую целину; равнительные колеса, поднимая легкую пылью, закрывают его.

2. Вслед за шестой бригадой к севу приступили и бригады Петра Юрченко, Василия Печлиничева, Николая Догиня.

На огромном пространстве раскинулось поле нового совхоза. Новоселы засеют около двадцати четырех тысяч гектаров яровой пшеницы, ячменя, кукурузы.

Утром, еще задолго до того, как работники бригады хозяйства — агрономы, механики, заведующие отделениями — соберутся на палатку, директор Александр Филиппович Бернжер побывает в нескольких бригадах, на складах, в мастерских, в гараже. Удивляясь: когда он отдыхает? Чуть-чуть забрежал рассвет, а он уже в бригаде; полночь, а он не спит...
Директору нового хозяйства надо все знать, все уметь. Вот он расходывает девушке-учетнице, как лучше организовать учет зерна, отпускаемого агрегатам, выверенными пудовками: в бригадах нет весов. Друг Александр Филиппович замечает, что угол палатки, возле которой мы стоим, разорван.

— Василий Иванович! — обращается директор к бригадиру Печлиничеву. — Откуда эта дыра? А-а?
— Да вот разорвалась...
— Почему не зашили?
— А чем? Обычной сороковкой не будешь же зашивать брезент, а дратвы на складе нету...
Директор недовольно трясет черной взломоченной на ветру шевелюрой. — Ниток не наши?! — говорит он резко. — Да я, не сходя с места, у вас здесь найду их сколько угодно! — Махнул рукой, рассмеялся, принялся спокойно объяснять: — Возмите мешковину, вытяните из нее пряжу, скрутите и делайте вместе — крепче любой дратвы. Исто?

Это — в поле. А едва он переступил порог кабинета, его атакуют врач, начальник строительного участка, командир, рабочие. У каждого из них — неотложное дело. Когда будут деньги, чтобы приобрести для бригад аптечки? Где достать тару под горючее и воду? Почему мало насосов для заправки тракторного квартирного дома: чтобы они топились из коридора или из комнат?
И директор выслушивает, решает.

Однако все это — повседневные заботы: их — тысячи, они возникают ежедневно, каждый час. Но есть заботы поважнее.

В совхозе народилось уже около шестидесяти младенцев; примерно столько же малышей приехало сюда с родителями. Более сотни женщин не могут выходить на работу из-за отсутствия яслей.

В течение недели со склада на поля необходимо вывезти более 3.500 тонн семян. Расстояние до бригад часто превышает тридцать километров. В хозяйстве всего лишь восемь бортовых автомашин. А для своевременной доставки зерна к сельхозпредприятиям их нужно, по самым скромным подсчетам, двадцать пять. Неоднократные обращения в обком, в министерства совхозов республики и Союза ни к чему не привели. Все молчат: молчит обком, молчат тов. Власенок, молчат тов. Бенедиктов. Телеграммы директора остаются без ответа.

О чем там думают?! — возмущается Кернжер. — Давайте, что я буду отрывать для перевозок зерна тракторы? Но у нас нет прицепов... Или думают, что можно сев затануть до июля?

Мне понятно беспокойство директора. Вспоминается осень прошлого года. Сколько техники было брошено тогда на поля Казахстана, в том числе и автомашин! А почему их нет теперь? Неужели руководители Министерства совхозов полагают, что важно убрать зерно, а что сев — это второстепенное дело?! Только этим можно объяснить их равнодушие к нуждам новых совхозов, их молчание. Ведь не хватает не только автомобилей. В новых совхозах недостает сельхоз, борон, сценов, зерноочистительных машин.

Побольше беспокойства, побольше внимания к нуждам и людям новых хозяйств, созданных на целине, — и тем скорее успех великого дела, начатого по зову партии, будет обеспечен.

Зерносовхоз, Булаевский, Северо-Казахстанской области

Только в работе и забудусь немножко... — говорит он.

И Тимофей работает... На поезде целины прошлым летом тракторист Вольнов выполнял сменные задания в два раза; не сбавил темпа он и в дни сева — его агрегат не простаивает ни одной минуты.

Мерно постукивает высевашная аппаратура. С легким звоном бежит по семеродам зерно. Диски бешеном раскрывают его ложе в мягкой, пушистой, хорошо разделанной земле, сохраняющей ее кое-где, на комках, космы сегодова ковыля.

Зерно ложится в поднутую целину; равнительные колеса, поднимая легкую пылью, закрывают его.

2. Вслед за шестой бригадой к севу приступили и бригады Петра Юрченко, Василия Печлиничева, Николая Догиня.

На огромном пространстве раскинулось поле нового совхоза. Новоселы засеют около двадцати четырех тысяч гектаров яровой пшеницы, ячменя, кукурузы.

Утром, еще задолго до того, как работники бригады хозяйства — агрономы, механики, заведующие отделениями — соберутся на палатку, директор Александр Филиппович Бернжер побывает в нескольких бригадах, на складах, в мастерских, в гараже. Удивляясь: когда он отдыхает? Чуть-чуть забрежал рассвет, а он уже в бригаде; полночь, а он не спит...
Директору нового хозяйства надо все знать, все уметь. Вот он расходывает девушке-учетнице, как лучше организовать учет зерна, отпускаемого агрегатам, выверенными пудовками: в бригадах нет весов. Друг Александр Филиппович замечает, что угол палатки, возле которой мы стоим, разорван.

— Василий Иванович! — обращается директор к бригадиру Печлиничеву. — Откуда эта дыра? А-а?
— Да вот разорвалась...
— Почему не зашили?
— А чем? Обычной сороковкой не будешь же зашивать брезент, а дратвы на складе нету...
Директор недовольно трясет черной взломоченной на ветру шевелюрой. — Ниток не наши?! — говорит он резко. — Да я, не сходя с места, у вас здесь найду их сколько угодно! — Махнул рукой, рассмеялся, принялся спокойно объяснять: — Возмите мешковину, вытяните из нее пряжу, скрутите и делайте вместе — крепче любой дратвы. Исто?

дальше работники хозяйства — агрономы, механики, заведующие отделениями — соберутся на палатку, директор Александр Филиппович Бернжер побывает в нескольких бригадах, на складах, в мастерских, в гараже. Удивляясь: когда он отдыхает? Чуть-чуть забрежал рассвет, а он уже в бригаде; полночь, а он не спит...
Директору нового хозяйства надо все знать, все уметь. Вот он расходывает девушке-учетнице, как лучше организовать учет зерна, отпускаемого агрегатам, выверенными пудовками: в бригадах нет весов. Друг Александр Филиппович замечает, что угол палатки, возле которой мы стоим, разорван.

— Василий Иванович! — обращается директор к бригадиру Печлиничеву. — Откуда эта дыра? А-а?
— Да вот разорвалась...
— Почему не зашили?
— А чем? Обычной сороковкой не будешь же зашивать брезент, а дратвы на складе нету...
Директор недовольно трясет черной взломоченной на ветру шевелюрой.

— Ниток не наши?! — говорит он резко. — Да я, не сходя с места, у вас здесь найду их сколько угодно! — Махнул рукой, рассмеялся, принялся спокойно объяснять: — Возмите мешковину, вытяните из нее пряжу, скрутите и делайте вместе — крепче любой дратвы. Исто?

Это — в поле. А едва он переступил порог кабинета, его атакуют врач, начальник строительного участка, командир, рабочие. У каждого из них — неотложное дело. Когда будут деньги, чтобы приобрести для бригад аптечки? Где достать тару под горючее и воду? Почему мало насосов для заправки тракторного квартирного дома: чтобы они топились из коридора или из комнат?

И директор выслушивает, решает.

Однако все это — повседневные заботы: их — тысячи, они возникают ежедневно, каждый час. Но есть заботы поважнее.

В совхозе народилось уже около шестидесяти младенцев; примерно столько же малышей приехало сюда с родителями. Более сотни женщин не могут выходить на работу из-за отсутствия яслей.

В течение недели со склада на поля необходимо вывезти более 3.500 тонн семян. Расстояние до бригад часто превышает тридцать километров. В хозяйстве всего лишь восемь бортовых автомашин. А для своевременной доставки зерна к сельхозпредприятиям их нужно, по самым скромным подсчетам, двадцать пять. Неоднократные обращения в обком, в министерства совхозов республики и Союза ни к чему не привели. Все молчат: молчит обком, молчат тов. Власенок, молчат тов. Бенедиктов. Телеграммы директора остаются без ответа.

О чем там думают?! — возмущается Кернжер. — Давайте, что я буду отрывать для перевозок зерна тракторы? Но у нас нет прицепов... Или думают, что можно сев затануть до июля?

Мне понятно беспокойство директора. Вспоминается осень прошлого года. Сколько техники было брошено тогда на поля Казахстана, в том числе и автомашин! А почему их нет теперь? Неужели руководители Министерства совхозов полагают, что важно убрать зерно, а что сев — это второстепенное дело?! Только этим можно объяснить их равнодушие к нуждам новых совхозов, их молчание. Ведь не хватает не только автомобилей. В новых совхозах недостает сельхоз, борон, сценов, зерноочистительных машин.

Побольше беспокойства, побольше внимания к нуждам и людям новых хозяйств, созданных на целине, — и тем скорее успех великого дела, начатого по зову партии, будет обеспечен.

Зерносовхоз, Булаевский, Северо-Казахстанской области

Только в работе и забудусь немножко... — говорит он.

И Тимофей работает... На поезде целины прошлым летом тракторист Вольнов выполнял сменные задания в два раза; не сбавил темпа он и в дни сева — его агрегат не простаивает ни одной минуты.

Мерно постукивает высевашная аппаратура. С легким звоном бежит по семеродам зерно. Диски бешеном раскрывают его ложе в мягкой, пушистой, хорошо разделанной земле, сохраняющей ее кое-где, на комках, космы сегодова ковыля.

Зерно ложится в поднутую целину; равнительные колеса, поднимая легкую пылью, закрывают его.

2. Вслед за шестой бригадой к севу приступили и бригады Петра Юрченко, Василия Печлиничева, Николая Догиня.

На огромном пространстве раскинулось поле нового совхоза. Новоселы засеют около двадцати четырех тысяч гектаров яровой пшеницы, ячменя, кукурузы.

Утром, еще задолго до того, как работники бригады хозяйства — агрономы, механики, заведующие отделениями — соберутся на палатку, директор Александр Филиппович Бернжер побывает в нескольких бригадах, на складах, в мастерских, в гараже. Удивляясь: когда он отдыхает? Чуть-чуть забрежал рассвет, а он уже в бригаде; полночь, а он не спит...
Директору нового хозяйства надо все знать, все уметь. Вот он расходывает девушке-учетнице, как лучше организовать учет зерна, отпускаемого агрегатам, выверенными пудовками: в бригадах нет весов. Друг Александр Филиппович замечает, что угол палатки, возле которой мы стоим, разорван.

— Василий Иванович! — обращается директор к бригадиру Печлиничеву. — Откуда эта дыра? А-а?
— Да вот разорвалась...
— Почему не зашили?
— А чем? Обычной сороковкой не будешь же зашивать брезент, а дратвы на складе нету...
Директор недовольно трясет черной взломоченной на

Михаил Александрович Шолохов

А. ТОЛСТОЙ О РОМАНЕ ШОЛОХОВА „ТИХИЙ ДОН“, 4-я часть*

Произведение Шолохова «Тихий Дон» 4-я часть есть прежде всего произведение глубоко народное. Язык, образы, характеры, природа, быт, эстетика, все это целиком от народа.

Шолохов знает о чем пишет и умеет показывать события во всей их объемной опутительности. Великолепное знание dialectа донского казачества помогает ему избежать тех общих недостатков советских романов, которые происходят от слабого знакомства со всей сложностью и своеобразием построения народной речи.

КНИГИ, КОТОРЫЕ УЧАТ ПОБЕЖДАТЬ

«Я, товарищи, сам — рабочий Красноутиловского завода. Меня послали к вам наша Коммунистическая партия и рабочий класс, чтобы помочь вам организовать колхоз и уничтожить кулака как общего нашего врагоса».

Книжки могут знать жизнь по-разному. Одни изучают мир поверхностно, как наблюдатели, ведут аккуратные записки, а после обращаются к своим запискам книжкам, как к основному источнику познания; другие ограничивают круг наблюдений рамками интересующих их предметов и явлений; третьи анализируют переживания и поступки людей и не хотят знать ничего другого.

СЛОВО О НАРОДНОМ ПИСАТЕЛЕ

У СЛИЯНИИ Язы и Орлине, там, где зеленеет сказочно красивый Градец-Кралево, старый чех-учитель показал мне книгу. Перевернул книги набух, одеревянев, был весь пропитан запахом земли, а на страницах матово пылались следы подсохшей влаги.

«Там, где, как замерзшие волны, бугрится серебряная от снега пахота, где мертвой зыбью лежит заволоченная с осени земля...»

Виталий ЗАКРУТКИН
... как чувствует себя жгучей ростью под снегом, и написать такое:
«Там, где, как замерзшие волны, бугрится серебряная от снега пахота, где мертвой зыбью лежит заволоченная с осени земля...»

Не соловоиной песней выхлеса «Тихий Дон», не единым дыханием выгорела «Поднятая целина». Тысячи бессонных ночей, тысячи часов раздумья, страданий, сомнений, веры и безверия, горы художнического труда незрямо стоят за страницами шолоховских книг.

Вот этим «милым пеннем жаворонка», этим запахом нагретых трав — полон язык Шолохова, и это выдвигает его роман на видное место в ряд переложивших произведений русской литературы. Характеры Пантелей Прокофьевича и его внучка Миши...

Роман Шолохова — это «Война и мир» в областном масштабе. Это не умяляет его значения. Кстати сказать, кое-где чувствуется и прямая преемственность. Но эта преемственность органическая. Поскольку у Л. Толстого был шире кругозор, образование, знакомство с историей, поскольку его знание сродного ему общественного круга выходило за пределы Ясной Поляны и Хамовников — настолько шире и могущественнее размах Л. Толстого.

Михаил Шолохов никогда не глядел на жизнь со стороны, никогда не оставался праздным, равнодушным согладателем. С винтовкой за плечами носился он, совсем еще мальчишка, с продертым по донским хуторам и станицам, отсыкавал забороненную по амам кулацкую пшеницу, слышал свист пуль, грохот маховских тачанок, видел вдовью горе и плач детей-сирот; через душу, сердце и разум его прошли разные судьбы многих людей, которые были друг с другом в незабываемые годы революции — одни за свободу и счастье народа, другие за старый, косяный, привычный уклад.

И художник навеки запечатлел эту суровую, трагически-возвышенную картину народной борьбы в «Тихом Доне», прекрасной эпопее, в которой с потрясающей силой и правдой показаны столь непохожие человеческие жизни, слитые с простой и мудрой жизнью зеленой, многогрешной, потом и кровью политая земли.

Вместе с народом борется он, с ним радуется и страдает, у народа учится житейской мудрости, у него перенимает живую красоту языка и потому справедливо может быть назван писателем истинно народным.

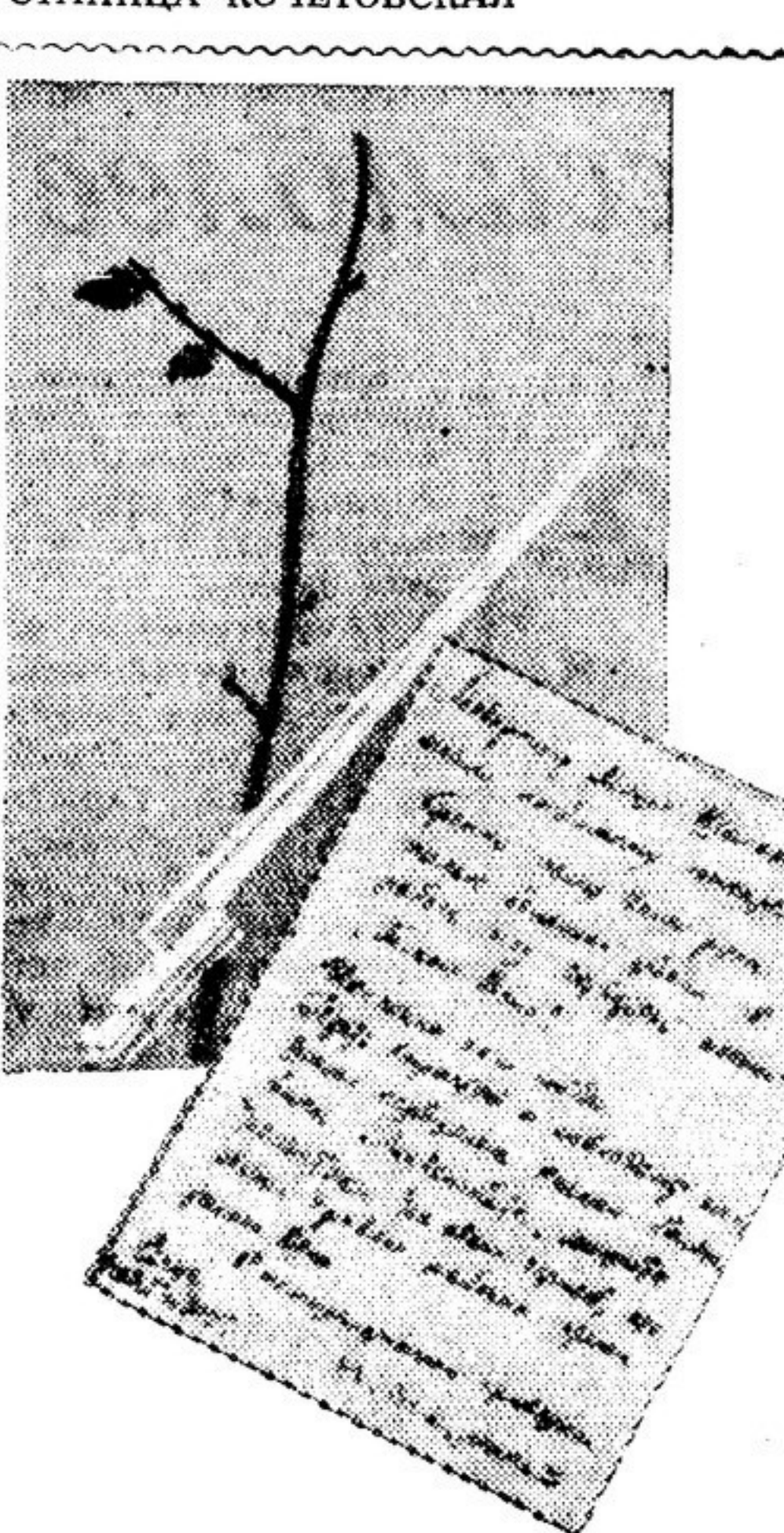
Уже, казалось бы, искомого найдено, уже художник как будто доволен написанным, но проходит ночь, наступает рассвет и... все начинается сначала: раздается в ключах разорванная рукопись, дымят заплата в пальцах папироса, а перо вновь бегает по чистому листу бумаги. И так часами, сутками, неделями, месяцами, годами.

Это было в июле 1942 года. Наша дивизия занимала рубеж обороны вдоль левого берега Дона у станицы Вешенской и прилежащих к ней хуторов.

И только тут я сообразил, что нахожусь во дворе дома Шолохова, который мне показали накануне. На обожженной земле лежала книжка, полузапыленная песком. На сероватой обложке — граненый штык и ветвь дуба — первое издание романа «Как закалялась сталь».

Миллионы читателей — поклонников Михаила Шолохова — вряд ли в полной мере представляют, как он работает, сколько душевных, творческих мук испытывает он до того часа, пока готовая книга вылетит из печати и станет достоянием народа.

Товарищу Мише Шолохову, моему любимому писателю. Крепко жму Ваши руки и желаю большой удачи в работе над четвертой книгой «Тихого Дона».

Н. ОСТРОВСКИЙ СОЧИ, НОЯБРЬ 1935 ГОДА.

Ольга ФОРШ Рожденные бурей...

Михаил Александрович Шолохов вошел в память нашего поколения уже хрестоматийно, и его прекрасные книги имеют всеобщее воспитательное значение для формирования коммунистического сознания нашего юношества.

То, что Михаил Шолохов воевал с белыми бандами на Дону, ходил против кулаков в протодьяках, сообщает особую полноту и яркость характерам его героев.

М. А. Шолохов беседует с колхозниками. 1938 год

Сергей СМЕРНОВ

Шолохову

Я, посреди распутицы весенней, Был дорожкой картиной награжден: У нас, в Московском угольном бассейне, Берет свое начало тихий Дон.

Вот как-то раз приехал он в столицу, Серьезными делами привлечен. Я — незваный гость, как говорится, — Пришел к нему с известным москвичом.

Принел, и мы решительно забыли О робости, о времени самом. Стихи да песни собственные были Таки нас — рекомендательным письмом.

Он слушал так, что продолжалось это Всею ночью — в буквальный смысле — напролет.

И дальними пламенем рассвета На гребнях крыш зажгется снег и лед. Две форточки табачный дым изляли.

В парадном бодро громыхнул застав. И мы расстались старыми друзьями, Хотя знакомство — несколько часов.

Я помню тот незаурядный случай И с чувством добавлю на ходу: Ты знаешь, Дон, посрединый мой Текущий, О том, — кого имею я в виду!

Ты в кровной дружбе с этим гражданником, О чем документально знают все. А ты принадлежишь трем равнинам, Твоей завидной жизни и красе.

И пусть он — там, Где плавни уток прячут, — С дробовином укрой его в тени, А если, скажем, с лодочник рыбабит, То, в знак привета, бережно качни.

Бескрайная степь. Над нею высь бездонна. Струится Дон в объятьях двух морей. И сколько бы ни черпали из Дона, — Он с каждым годом — чище и щедрей.

И верил я, что быстрое течение Неизменно убыстрила река И, выполняя просьбу-порученье, Нашла тебя, донского казака.

...Вовсю дымят Сталиногорск и Тула. Но аромат у воздуха такой, Как будто ветром времени пахнуло Или твоей Классической строкой! Верховье Дона, 1955 г.

НА ТИХОМ ДОНУ

Могуч и красив Дон в половодье. Нынче весна затнулася, и он трижды выходил из берегов, заливая пойменные луга и затопляя чуть не до макушек белые строения, как невесты, березки.

Глазами. Рассказывают с душевной («доброй», как сказал бы Шолохов) улыбкой и часто с искренним удивлением: дескать, а вы разве сами не знаете, не видите? И как Михаил Александрович ездил на рыбалку и на охоту, и как работает он у себя в саду, как поет тенорком «Выхожу один я на дорогу» или старую казачью: Под серебряной волной, На златом песочке...

Как-то в беседе Шолохов сказал: «Свою похоронив, я к любимой матери тянусь...» В одном из опубликованных недавно отрывков есть строки, где слышны воедино два образа, бесконечно дорогих писателю, — донской степи и матери: «...Дивно закружилось под солнцем цветущая, омытая дождями степь! Была она феерей, как молодая, кормящая грудью мать, — необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прерванной, счастливой и чистой улыбкой материнства».

Ольга ГОНЧАР Могучее дарование

Вот уже сколько лет все, любящие литературу, внимательно следят за напряженным творческим трудом этого человека, прислушиваясь к его голосу, который пусть не так часто, но с такой удивительной силой звучит с берегов Дона, из донской казачьей станицы Вешенской.

Воспитательное значение шолоховских книг огромно. Кого из нас не поразила в свое время «Поднятая целина» — эта боевая, по-настоящему партийная, из самого огня событий выкованная книга! Кому из фронтовиков не помогла шолоховская страстная «Наука ненависти»!

Творчество Шолохова полюбилось народу как-то сразу — с юношески жарких, напорных степным ароматом рассказов, с могучего эпического завета «Тихого Дона». То, что он открывал читателю, захватывало, поражаало своим драматизмом и величием. Горячей любовью к трудовому народу были согреты у него каждое описание, каждый пейзаж, поэтическое раздумье...

Передо мной лежат книги, которые мне удалось почитать в последние дни моего пребывания в станице Вешенской. Это «Наука ненависти» и «Поднятая целина».

На первый взгляд кажется загадочной его писательская судьба: юношей он уже создал книги, зрелые по мастерству, ставшие гордостью литературы. Видимо, путь безмятежной, чисто академической подготовки далеко не всегда является кратчайшим путем в большую литературу.

Самостоятельное отношение к труду, беспощадная требовательность к себе, чуждая отвлеченность к своим товарищам по профессии — эти драгоценные качества, которые всегда были отличительными для лучших мастеров русской литературы, в полной мере присущи Шолохову.

Могучее дарование Шолохова, с такой силой раскрывшееся уже в первых картинах «Тихого Дона», в его яркой монументальной живописи, не перестает с тех пор волновать всех, кому дороги судьбы современной литературы.

Могучее дарование Шолохова, с такой силой раскрывшееся уже в первых картинах «Тихого Дона», в его яркой монументальной живописи, не перестает с тех пор волновать всех, кому дороги судьбы современной литературы.

Живая летопись революции

Петер ВЕРЕШ, венгерский писатель

Если говорить о том, что для нас, венгерских революционеров, рабочих, крестьян и левых писателей, означал Шолохов как писатель, а «Тихий Дон» как книга, то прежде всего надо сказать, что для нас означала революция.

Возврата к старому больше не было: приверженцы старого порядка из консервативных становились реакционерами, приверженцы же обновления начинали понимать, что нужны не реформы, а революция.

В это время, в начале XX века, в Венгрии уже существовали социалистические рабочие и крестьянские организации. Из года в год вспыхивали бунты среди сельскохозяйственных рабочих; весть о революции 1905 года в России докатилась и до нас, и я, подросток-подросток, мечтал о революции.

Вот, который не в состоянии был покориться духом (ибо тело легче свывается с рабством), научился прятать склянку в гилье в кулак воды, отражала жизнь всей Венгрии. Водь почти вся земля нашей деревни — 40.000 холмов — принадлежала одной-единственной графской семье.

В то время мы часто читали об этом в газетах. Но воплощенные в человеческие образы мы этих революционеров-большевиков узнали из «Тихого Дона», — ведь во время короткой венгерской революции 1919 года перед нами еще не мог развернуться новый тип человека.

И это удалось Шолохову! Шолохов написал немало, но ему удалось запечатлеть великие события мировой истории: в «Тихом Доне» саму революцию, а в «Поднятой целине» организацию новой жизни, создание образы революционеров и партийных работников.

Для нас «Тихий Дон» явился не только историей Григория Мелехова, но и историей семьи Мелеховых и не только — через призму истории жизни казацкого села — историей жизни русской деревни, но и наряду со всем этим историей победившего в революции народа.

Как побеждает и какими людьми побеждает социалистическая революция? — вот какие жизненно важные вопросы задавала мы. И «Тихий Дон» отвечал нам.

В то время мы часто читали об этом в газетах. Но воплощенные в человеческие образы мы этих революционеров-большевиков узнали из «Тихого Дона», — ведь во время короткой венгерской революции 1919 года перед нами еще не мог развернуться новый тип человека.

И это удалось Шолохову! Шолохов написал немало, но ему удалось запечатлеть великие события мировой истории: в «Тихом Доне» саму революцию, а в «Поднятой целине» организацию новой жизни, создание образы революционеров и партийных работников.

Для нас «Тихий Дон» явился не только историей Григория Мелехова, но и историей семьи Мелеховых и не только — через призму истории жизни казацкого села — историей жизни русской деревни, но и наряду со всем этим историей победившего в революции народа.

Как побеждает и какими людьми побеждает социалистическая революция? — вот какие жизненно важные вопросы задавала мы. И «Тихий Дон» отвечал нам.

В то время мы часто читали об этом в газетах. Но воплощенные в человеческие образы мы этих революционеров-большевиков узнали из «Тихого Дона», — ведь во время короткой венгерской революции 1919 года перед нами еще не мог развернуться новый тип человека.

И это удалось Шолохову! Шолохов написал немало, но ему удалось запечатлеть великие события мировой истории: в «Тихом Доне» саму революцию, а в «Поднятой целине» организацию новой жизни, создание образы революционеров и партийных работников.

Для нас «Тихий Дон» явился не только историей Григория Мелехова, но и историей семьи Мелеховых и не только — через призму истории жизни казацкого села — историей жизни русской деревни, но и наряду со всем этим историей победившего в революции народа.

Как побеждает и какими людьми побеждает социалистическая революция? — вот какие жизненно важные вопросы задавала мы. И «Тихий Дон» отвечал нам.

В то время мы часто читали об этом в газетах. Но воплощенные в человеческие образы мы этих революционеров-большевиков узнали из «Тихого Дона», — ведь во время короткой венгерской революции 1919 года перед нами еще не мог развернуться новый тип человека.

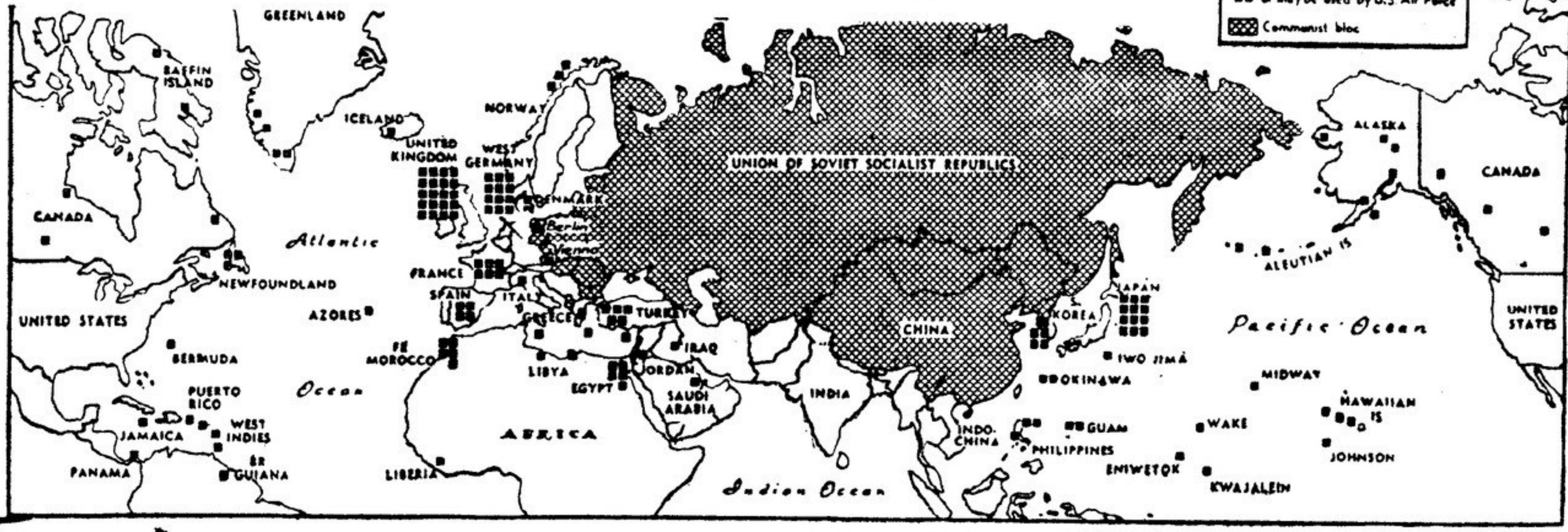
И это удалось Шолохову! Шолохов написал немало, но ему удалось запечатлеть великие события мировой истории: в «Тихом Доне» саму революцию, а в «Поднятой целине» организацию новой жизни, создание образы революционеров и партийных работников.

Для нас «Тихий Дон» явился не только историей Григория Мелехова, но и историей семьи Мелеховых и не только — через призму истории жизни казацкого села — историей жизни русской деревни, но и наряду со всем этим историей победившего в революции народа.

Как побеждает и какими людьми побеждает социалистическая революция? — вот какие жизненно важные вопросы задавала мы. И «Тихий Дон» отвечал нам.

ВОЕННЫЕ БАЗЫ США — УГРОЗА МИРУ

Что больше всего отвращает отношения между государствами, порождает недоверие между народами и увеличивает, таким образом, международную напряженность? Продолжающаяся гонка вооружений и создание многочисленных иностранных военных баз на чужих территориях.

На карте сверху, взятой из американской газеты «Нью-Йорк таймс», показаны военно-воздушные базы Соединенных Штатов, расположенные в различных странах капиталистического мира. Каждый черный квадратик — это отнюдь не одна база: их гораздо больше. Квадратики показывают лишь пропорциональное соотношение между количеством американских баз в различных странах. В тексте, помещенном под картой, «Нью-Йорк таймс» признала, что только в Западной Европе в настоящее время создано около 160 военно-воздушных баз, на которых дислоцируются различные американские авиационные части. Причем это только базы, подчиненные командованию НАТО. В указанное число не входит другая система баз, или, как писал недавно американский журнал «Таймс», «сеть наступательных» (подчеркнуто нами. — Ред.) авиабаз, раскинувшихся от Исландии до Ирака и подчиненных в большинстве командованию стратегической авиации США и частью английскому командованию бомбардировочной авиации.

Оброненная американским журналом «Таймс» фраза о «наступательных базах» чрезвычайно показательна. Во все для «обороны», как живо утверждает американская пропаганда, а именно для «наступательных» действий, как, разоружившись, признает «Таймс», для агрессивной стратегии строятся и строятся эти американские базы в чужих странах. В том же номере «Тайма» помещена еще одна карта. Она озаглавлена: «Оборона Европы». А между тем на этой карте пролегают от американских баз угрожающие стрелки в направлении Москвы, Ленинграда, Киева и других городов Советского Союза с такими, например, «объяснениями»: «Исландия—Ленинград, 3 1/2 часа полета»; «Англия — Москва, 3 1/4 часа полета»; «Тунис (Гренада) — Сталинск, 6 1/2 часов полета» и т. д. Эти стрелки выдают истинный смысл ходячих за океаном фраз об «обороне Европы». Слово «маской», американская военщина прикрывает этими лживыми фразами свои агрессивные замыслы.

Куда правдивей поступил бы журнал «Таймс», если бы использовал в заголовке над этой картой вместо лицемерных слов об «обороне Европы» свои же слова: американские базы для наступательных действий.

Советский Союз никому не угрожает, он отстаивает идеи мира, коллективной безопасности и сотрудничества всех народов. Доверие между всеми народами, независимо от различий в их социальном-политических системах, должно быть восстановлено! Важным шагом к восстановлению этого доверия к налаживанию мирного сотрудничества между всеми государствами должна стать ликвидация ядовитых гнезд агрессии — иностранных военных баз на чужих территориях.

ИТАБ, ратификационные грамоты

ИТАБ, ратификационные грамоты сданы западными державами на хранение.

И, таким образом, парижские соглашения стали «fait accompli» — свершившимся фактом.

Передо мной сейчас лежат французские и американские газеты, в глаза лезут заголовки, ставящие все точки над «и», точнее — над парижскими решениями, а в ушах не умолкает гул сорочьих-пачочных человеческой массы, собравшейся осенью прошлого года на парижском зимнем велодорожке.

«Я вспоминаю, как вошел в огромный вестибюль, наполненный людьми и гудящий, как тысячи ульев; как ежесекундно раздавалось какое-то металлическое позвякивание; как подошла ко мне девушка с французской национальной кокардой на груди, протиснувшись кривую для сбора пожертвований на дело организации сторонников мира; как я опустил в кружку пятифранковую никелевую монетку, издавшую при падении тот самый характерный металлический звук, и как полыхнул взамен крошотный значок — пижамосовую голубку...»

«И помню иронически-добродушное замечание моего спутника: «А вы не боитесь, что завтра «Фигаро» объявит, что Москва финансирует французских сторонников мира?»

«Я вспоминаю гигантский зал велодорожки и красивые ряды стульев, из которых не было ни одного пустого, бесконечные ряды, — последние казались с того места, где я стоял, уже просто неразличимыми, — лозунги и плакаты, свешивающиеся с железных перекладин, тонущие в табачном дыму, бурно аплодисментов, которую вызвало появление на трибуне президента — лучших сынов Франции, борющихся за честь и независимость своей родины, и, наконец, грохот тысячами людей проскандированного лозунга: «La CED ne passera pas!»

«Но ЕОС, на этот раз в виде парижских соглашений, все-таки прошел. План-оборонен все же пролез через дворцы — Бурбонский, Люксембургский и Елисейский. Пролеза при помощи депутатов, не способных любить Францию, но способных ее предать, пролез вопреки воле французев.

Некоторые французские газеты, немало потрудившиеся над вооружением ярагов Франции, ныне занимают эгзотический воздыханиями. Так, орган французских правых социалистов — газета «Поплюер де Пари» вынуждена признавать, что депонирование ратификационных грамот, совпавшее с десятой годовщиной победы над фашизмом, наводит на «горькие размышления».

В том же духе выступает и газета «Орор», признавая, что вступление в силу соглашений о вооружении Западной Германии «не вызывает радости».

Похмелье в Париже...

Робер Бони из «Орор» выражает надежду, что Германия сможет извлечь урок из минувших событий. Он заключает се не «преувеличивать» представленные ей перспективы и проявлять умеренность в терпении. «Длиберте де Кермон-Ферран» призывает к «бдительности».

Характерно, что перспективы дальнейшей политики Западной Германии довольно широко обсуждаются и американской прессой. И это понятно. Не кто иной, как американские пропагандисты, опьяняясь собственным красноречием, уверяли Францию, что возрожденный вермахт будет грозить лишь Востоку.

Но наступило похмелье, и вот газета «Нью-Йорк таймс» печатает статью своего корреспондента в Бонне Хандлера, который уверяет, что «изобразить жителей Западной Германии людьми, которые рвутся на войну, чтобы изгнать русских из Восточной зоны, было бы совершенно неправильно».

Недавно в американском журнале «Кольерс» была помещена статья Теодора Уайта, озаглавленная: «Германия — другая враг?».

Это весьма странное произведение «искусства».

У него эту статью к произведениям «искусства» в кавычках, чтобы отделить от экзальтированного попыткам автора совместить несомненно, доказать одновременно вещи взаимоисключающиеся. Есть такие портреты, прикрытые стеклом, — плод нехитрого графического и оптического мастерства. Посмотрите на портрет справа — он смеется, слева — плачет, иногда же справа, слева и в фас один и тот же портрет воспринимается, как три разных.

Статья в «Кольерсе» — нечто в таком же роде.

ИХ ОБМАНУЛИ АМЕРИКАНСКИЕ «БЛАГОДЕТЕЛИ»

Недавно корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» посетил статью положению тех, кто по тем или иным причинам оказался после войны далеко от родины...

Теперь корреспондент «Нью-Йорк таймс» с неожиданной откровенностью признает, что условия жизни этих людей «ужасны», а перспективы, которые их ожидают, «почти безнадёжны».

Стол же безрадостную картину рисует и американский журнал «Лук». Фотоочерк, помещенный на страницах этого журнала, показывает участь тех, кто уже много лет живет в лагерях для «перемещенных лиц».

«Лук» пишет о том, что жизнь заключенных в лагери проходит в пустоту, что на нищенское пособие они не могут купить даже самое необходимое.

Такова лишь частичка правды о жизни в американских концентрационных лагерях. Не потому «Нью-Йорк таймс» и «Лук» решают разоткровенничаться? Чем вызваны эти неожиданные признания? Может быть, редакторы этих изданий всерьез опечалены судьбой людей, оторванных от родины, и хотят помочь им вернуться домой?

Отнюдь нет. Американская пропаганда не в шутку встревожена настоящим стремлением большого количества беженцев вернуться на родину.

«Нью-Йорк таймс» называет это «политическим поражением Соединенных Штатов», не скрывая, что здесь рассчитывают превратить этих людей в врагов Советского Союза и стран народной демократии, сделать их послушным орудием в руках американской разведки.

Александр ЧАКОВСКИЙ

Однако по-прежнему по-прежнему «Нью-Йорк таймс» с раздражением говорит о том, что стремление «перемещенных лиц» вернуться на родину необычайно усилилось.

«Кто-то вынесла гипсовый бюст Гитлера на стене зала «Ауто-Унион Берке» в Дюссельдорфе...» — продолжает свой разоблачительный Уайт, а «в Руре появился журнал «Ринг», в котором говорится, что бывшие нацисты... являются не преступниками, а жертвами несправедливости...».

И недаром Уайт напоминает, что «всего 35 лет назад Версальский договор разрешил немцам иметь армию строго ограниченной численности — 100.000 человек. Из нее Гитлер сумел в течение шести лет создать армию, которая залила кровью тот же самый Атлантический мир, который ныне «потребовал от немцев собрать новую армию».

Уайт попросту трусит, трусит так же, как и его коллега из французской «Орор». Он боится, что расчеты его коллег могут не оправдаться, что воинственный германский милитаризм, словно джиг из старой арабской сказки, будучи выпущенным из бутылки, может плюнуть на заколдованное руководство и начать действовать в совершенно непредусмотренном направлении...

Парижские решения вступили в силу. Но после милитаристской оргии кое у кого наступило тяжелое похмелье. Ратификация этих соглашений не прибавила позументов к «новому платью» современных заокеанских «королей». Напротив, она помогла миллионам людей увидеть их неприглядную натуру.

Тысячи несчастных людей на своем горьком опыте убедились, что слушать им жизнь вдалеке от родины.

Возвращение домой, к работе, к человеческому существованию — такова мечта тех, кто лихорадочно оплывают «Нью-Йорк таймс» и «Лук»...

На берегах Ганга

Вода в Индии — это жизнь. Там, где нет воды, расклевывают пустыни, расклевывают все живое.

Воды в Индии — это жизнь. Там, где нет воды, расклевывают пустыни, расклевывают все живое. Для индийцев реки священные, и самая почитаемая из всех рек — Ганг, несущий плодородие миллионам акров земли.

Вдоль асфальтовой трассы растут гигантские древние деревья. Испанские стволы их скручены, словно изваяния смерти. На ветвях, как шерстяные плоды, — большие серые обезьяны.

Самый старший из крестьян, на плечах которого мы заметили сизые, бугристые мускулы, спросил у меня и хрипло: «Джентльмены хотят пить? Но у нас посуда вот, — и крестьянин показал свои черные скрюченные ладони. — Вы можете проехать к нашему замкиндару! он угостит вас вином. Он очень любит гостей из-за океана».

Несколько минут спустя мы уже сидели с индийскими крестьянами тесным кружком. Посередине стоял деревянный поднос с квашеными овощами и рисом.

Старый крестьянин, протягивая руку, весело говорил: «Это единственная наша крестьянская машина. Покупайте. Я заложил в нее настоящий табак. — Ливнув головой в сторону нашего слугишка Ромеша Рао, крестьянин сказал: — Я знаю его. Это достойный человек. Он боролся с англичанами. Но я хочу спросить его о том, о чем спрашивает весь народ: может ли крестьянин жить без земли и воды или не может?»

«Но земля — это мое тело, — сурово произнес крестьянин. — Отнять ее — значит отнять мою жизнь. Нужно заставить помещиков вернуть все, что они отняли у народа при англичанах. Это будет только первым шагом к восстановлению справедливости!»

«Я обратил внимание на руки крестьянина. Они были необычайно худы, ладони выпирали, как костяные шары. Каким же тяжелым трудом он так иссушил себя! Но глаза его цвета черного лака, гордо блестящие, казалось, принадлежали другому человеку, — столько в них было юношеского воодушевления, величавой красоты и страстной надежды».

«Господи! Высокопоставленный господин! Это неправда. Я не ворую воду из колодца. Я ношу ее из канала».

«Судьямски морщась, Рао сказал: — Этот человек, очевидно, принимает меня за кого-то из служащих здешнего помещика».

«Крестьянин шептал с отчаянием: — Я не лгу. Спросите жену, я не лгу. — Он бросился навстречу собегной женщине, только что принесшей на поле две большие корзины, набитые мокрой травой. — Скажи господину, где ты взяла воду».

«Лицо женщины искажилось страхом. — Послушайте, — сказал сердито Рао, — нам нет никакого дела, где вы берете воду. — Но крестьянин не поверил. — Скажи, где ты брала воду? — кричал он на женщину. — Скажи! Но та только судорожно шевелила серыми губами и не могла произнести ни слова».

«На берегу одного из притоков Ганга мы увидели плот. Он был сделан из крученых пучков водных растений, обвязанных тонкими лианами. Поверхность плота покрыта слоем земли, раздланной на грядки».

«Валелец этого плотового плота подошел к нам, сложив приветственно перед лицом ладони. Длинные черные волосы падали на его плечи. Он угостил нас лепешкой, приготовленной из толченых семян водного кантана и корнев кушника. Такой вкус имеет, должно быть, пресованные опуски».

«Очевидно, мы не смогли скрыть, что не привыкли питаться древесной пищей. Крестьянин улыбнулся и сказал, похлопав себя по животу: — Это тело подвержено старости, болезням, печалю и бесчисленным страданиям. Это тело праведник должен помянуть с радостью. Но я не хочу его покидать! Я сказал, что крестьянам дадут землю. Я пришел к Гангу, чтобы умереть на его священных берегах. Но теперь я не хочу умирать».

«Я построил плот, насыпал на него землю и выращиваю на этом поле рис, чтобы было чем засеять землю, которую мне обещали дать».